Организационно-производственная школа в 1917 году

Т.А. Савинова

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-методической и кадровой работы Российского государственного архива экономики; 119992, Москва, ул. Б. Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

В статье на основе вновь вводимых в научный оборот и известных источников проанализирована деятельность экономистов организационно-производственной школы в Лиге аграрных реформ и Главном земельном комитете Временного правительства по подготовке аграрной реформы. Прослеживаются основные вехи работы этих организаций от момента создания до ликвидации. В краткой историографии представлены наиболее значительные исследования по теме. Подробно рассмотрено участие экономистов школы в учредительных съездах Лиги и ГЗК, членство в распорядительной комиссии и Совете Лиги, изучены их доклады на втором съезде Лиги. Отмечены и проиллюстрированы архивными документами особенности проведения второй сессии ГЗК, проходившей на фоне июльских событий 1917 года в Петрограде. Центральное место в статье занимает исследование работы экономистов в основных комиссиях ГЗК (о перераспределении земельного фонда и статистико-экономической), подробно рассматриваются выступления Н.П. Макарова и А.Н. Челинцева, отмечается роль каждого в разработке реформы. Вскрываются причины прекращения работ по проведению Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи, незавершенности работы над реформой, судьба ее организаций. Впервые на основе вновь введенных в научный оборот архивных документов рассматривается организация, деятельность и ликвидация отдела сельскохозяйственной экономии и политики Министерства земледелия, руководимого А.Н. Челинцевым.

Ключевые слова: история российской революции, аграрная реформа, Лига аграрных реформ, Главный земельный комитет, сельскохозяйственная перепись, А.Н. Челинцев, А.В. Чаянов, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-57-75

Февральская революция была воспринята большинством русской интеллигенции с огромным воодушевлением, не оказались исключением и экономисты организационно-производственной школы. В сущности, это для нас они стали «школой» или «направлением», а в 1917 году это была группа единомышленников, ядро которой составляли А.Н. Челинцев, А.В. Чаянов, Н.П. Макаров и А.А. Рыбников. Также близкими по экономическим взглядам Чаянов считал А.Н. Минина, Б.Д. Бруцкуса, К.А. Мацеевича. Все они были преподавателями сельскохозяйственных вузов, авторами многочислен-

ных книг, брошюр и статей, активными участниками Всероссийских агрономических съездов, работали в составе Московского, Харьковского и других сельскохозяйственных обществ. Иными словами, они обладали знаниями и значительным опытом в изучении российского сельского хозяйства. Не удивительно, что все они согласились принять участие в разработке аграрной реформы в качестве сотрудников Министерства земледелия и Главного земельного комитета Временного правительства, а также членов общественной организации с громким названием Лига аграрных реформ.

Тема подготовки аграрной реформы 1917 года неоднократно освещалась в нашей историографии, но, как правило, выводы исследователей сводились к констатации неудачи или ее незавершенности. Первыми подводить итоги работ по аграрной реформе стали их участники. Так, Чаянов в статье «Аграрная реформа революции 1917 года» в первом номере газеты «Власть народа» за 1918 год назвал свой обзор «воспоминаниями о пройденных путях аграрной реформы», где, кратко охарактеризовав весь ход работ в Лиге аграрных реформ и Главном земельном комитете, пришел к выводу, что «трудно, почти невозможно проводить оценку тому, что сделано, и предугадать то, что сохранится от грубого разрушения» (Чаянов, 2003: 92). Одним из участников разработки реформы был П.Н. Першин, составивший в 1922 году для плановой комиссии Наркомзема доклад «Итоги земельной политики 1917–1918 гг.»[1]. В нем он попытался проанализировать три ее элемента: «общественную идеологию, правительственные мероприятия и аграрную действительность». «Самым страшным и трагическим вопросом Февральской революции» он считал политические разногласия вокруг переходных мер, которые должны были быть приняты еще до решения аграрного вопроса Учредительным собранием. Першин выделил три точки зрения, «три боевые позиции, последовательно побеждавшие в развитии революции: либеральную, умеренно социалистическую и социал-максималистскую»[2]. Сторонники первых двух позиций выступали за сохранение частной собственности на землю до Учредительного собрания, третьей — за ее ликвидацию. Автор критиковал политику Временного правительства, которая, по его мнению, не отличалась устойчивостью и «эволюционировала от либерального сохранения прежнего строя земельных отношений до передачи земель в ведение земельных комитетов», а также его законодательную деятельность, «не отражавшую и не регулировавшую происходящего в деревне и как будто стоявшую вне своего времени»[3].

Из числа позднейших исследований следует отметить работы Н.К. Фигуровской (1968) и А.Н. Медушевского (2005). Их разделя-

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 2. Д. 130. Л. 77–118. Доклад не опубликован.
2. Там же. Л. 84.
3. Там же. Л. 91.

ет 37 лет и при существенных различиях роднит основательность, с которой рассмотрена деятельность учреждений реформы и подведены ее итоги. Правда, причины неудачи в них названы разные: в первом случае — идейно-политическая борьба, во втором — правовой дуализм.

В задачу данной статьи не входит всеобъемлющий анализ реформы, но нам кажется необходимым сказать о людях, которые хотели перемен и работали для того, чтобы улучшить жизнь большинства жителей России — крестьян. В 1917 году им представилась возможность претворить собственные идеалы в государственную аграрную политику. Почему она осталась нереализованной, мы попытаемся понять, подробнее рассмотрев работу экономистов в течение нескольких месяцев лета и осени судьбоносного для России года. По известным причинам в анкетах и биографиях после 1917 года они не упоминали эту свою деятельность, а после 1930 года и вовсе постарались забыть, но документы фондов РГАЭ позволяют достаточно полно ее проследить.

Организация и начало работы творцов реформы

Работа над аграрной реформой началась в Лиге аграрных реформ. Эта межпартийная общественная организация была образована по инициативе членов Вольного экономического общества, Всероссийского земского союза, Московского и Харьковского обществ сельского хозяйства и отдельных экономистов-аграрников. В апреле 1917 года Чаянов как член распорядительного комитета Лиги обратился к товарищу министра земледелия А.Г. Хрущеву с просьбой выделить для распорядительного комитета 10 тыс. руб. на организацию Лиги и ее местных отделов. Ходатайство было поддержано: «Со своей стороны министерство земледелия считает необходимым отметить, что скорейшая организация Лиги имеет ближайшее значение в работе Главного земельного комитета (ГЗК), ввиду чего оказание Лиге просимой поддержки представляется весьма желательным»[4]. Учредительный съезд Лиги состоялся 16–17 апреля 1917 года. В президиуме съезда был А.Н. Челинцев, в распорядительный комитет входили Н.П. Макаров, К.А. Мацеевич, П.П. Маслов, С.Л. Маслов, Н.П. Огановский, А.И. Стебут, А.В. Чаянов. Чаянов выступил с программной речью «Постановка аграрного вопроса», где в пяти параграфах были четко сформулированы задачи Лиги. В Совет Лиги вошли все четверо экономистов организационно-производственного направления (Челинцев, Чаянов, Макаров, Рыбников). В конце мая Рыбниковым было открыто Саратовское отделение Лиги, Челинцевым — Харьковское. На местные

4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1796. Оп. 1. Д. 117. Л. 3–30б.

отделы возлагались серьезные надежды по претворению «руководящих схем» центра в конкретные планы, соответствующие губернским особенностям.

Главными вопросами, обсуждавшимися на съездах Лиги, были вопросы землевладения и землепользования, велись многочисленные жаркие баталии о национализации и социализации земли (Фигуровская, 1968: 23–67), однако раздавались и здравые голоса (один из которых принадлежал, например, Н.Н. Черненкову): «отвлечься от теоретических разногласий», не пытаться решить земельный вопрос одним ударом и ограничить объем реформы (Фигуровская, 1968: 41).

Решение об учреждении Главного земельного комитета (далее ГЗК) было принято Временным правительством 21 апреля 1917 года, Учредительное собрание комитета состоялось 19–20 мая 1917 года. На нем был избран состав Временного совета комитета (Известия, 1917: 19)[5] и намечена программа по разработке аграрной реформы. Заседания Совета вначале проходили в зале Совета министра земледелия (Петроград, ул. Морская, д. 42). Они состоялись 27 и 31 мая, 10 и 17 июня. Позднее комитет переехал на Литейный проспект, д. 37-39, в бывшее здание Департамента уделов.

На открытии комитета речи произнесли министр земледелия В.М. Чернов и его председатель А.С. Посников. На первой же сессии ГЗК был принят план образования комиссий: сметной, организационной, законодательных предположений, статистико-экономической, комиссии по выработке общих основ земельной реформы, юридической. Позднее — об организации комиссий: временных переходных мер, о перераспределении земельного фонда, правовых отношений населения к земле, о лесах, о недрах, о водах. В состав комиссий мог входить любой член Совета ГЗК по его желанию. Однако некоторые из этих комиссий так и не начали свою работу.

Одной из главных задач ГЗК была организация и координация деятельности местных комитетов в губерниях и уездах. Над этим довольно активно начала работать организационная комиссия. Ее председателями по очереди были: А.Н. Челинцев, В.И. Анисимов, С.Л. Маслов, А.П. Левицкий, Н.П. Макаров. Состоялось восемь заседаний, на которых был выработан наказ по организации и деятельности губернских и уездных комитетов, составлен список уполномоченных по 21 губернии, утвержден общий план деятельности местных комитетов по подготовке земельной реформы и инструкция уполномоченным по организации местных комитетов.

Русская привычка «долго запрягать» в полной мере проявилась в организационной работе ГЗК, которая сопровождалась постоянными «партийными трениями и подозрениями». Идеологические противоречия нашли свое отражение на страницах писем Рыбнико-

5. По свидетельству А.В. Чаянова, идея создания Совета ГЗК принадлежала А.Г. Дояренко (Чаянов, 2003: 93).

ва. Массив писем февраля-ноября 1917 года, адресованных будущей жене, З.А. Гласко, отложился в личном фонде экономиста в РГАЭ и составляет 55 писем из Саратова и Петрограда в Москву и Геленджик. Документы свидетельствуют, что противоречия раздирали не только противников, но и единомышленников: *«Идет сейчас подготовительная работа земельного комитета, г[лавным] о[бразом] организационная. К моему удивлению, участники его все наши же (Черненков, Мацеевич, Челинцев, Макаров, Огановский), принимаю участие в ней и я. Много в этой работе обострений из-за самолюбия (Вихляев, Черненков). Много партийных трений и подозрений. ...Печально, что за разговорами мне нет времени основательно приняться за настоящую работу, всё спорим. Вот и сегодня у нас у троих с утра и до 8 ч. вечера, собственно, было деловое обсуждение основ экономической политики и аграрной реформы, которое ещё не кончилось»*[6].

Подготовка ко второй сессии Лиги и ГЗК (с периодическими совещаниями) длилась еще месяц, а с момента их учреждения прошло уже два месяца. О ежедневной работе комитета — вновь в письмах Рыбникова: «*Сейчас мы готовимся к земельному комитету и к Лиге. Лига 23 июня, а комитет 1 июля. И то и другое очень ответственно и полно сюрпризов. Надо подождать, надо послушать, что скажут люди с мест, тогда виднее будет, как дальше пойдет реформа. Сейчас же мужики из Совета крестьянских депутатов тянут к решительным правительственным декларациям, правительство упирается, а земельный совет и вовсе не правомочен выступать с категорическими заявлениями. Кроме того, организована подготовка работы земельного комитета довольно слабо. Я уже писал Вам, кажется, что меня звали в самый земельный комитет экономистом, но к моему, пожалуй, счастью, меня не пустили туда Макаров и Челинцев»*[7].

«Эти дни было несколько совещаний в земельном комитете по существу аграрного вопроса, и они показали, как далеко мы расходимся. С[оциалисты]-р[еволюционеры], оказывается, готовы сейчас немедленно к уничтожению права собственности на все земли (не исключая под городскими постройками...). Пришлось нам убеждать, что нельзя всё сразу, скомкаем, да и врагов будет столько, что сил не хватит. Ну и жарко было, а без толку. ...Третьего дня начался съезд Лиги аграрных реформ. Так как был и мой доклад (вчера я его читал) о «Контингенте хозяйств лиц, подлежащих обеспечению землей», то это меня совершенно завалило работой...»[8].

В Лигу вошли экономисты самых разных взглядов и партийной принадлежности, тем не менее, по свидетельству Чаянова, уже

6. РГАЭ. Ф. 9470. Оп. 1. Д. 115. Л. 42.
7. Там же. Л. 45.
8. Там же. Л. 47.

на втором съезде им удалось найти общий язык. В своем докладе «О деятельности Лиги и планах ее дальнейшей работы» он говорил: «Ожидания основателей Лиги оправдались в полной мере, и она привлекла в свой состав представителей всех течений русской аграрной мысли. 35 местных отделов Лиги объединили вокруг себя работы агрономов, статистиков и других местных деятелей» (Основные вопросы, 1917: 7).

Состоялось семь заседаний второго съезда Лиги, доклады на которых можно тематически поделить на три группы:

1. Доклады о состоянии сельского хозяйства и земельного фонда в России в соотношении с населением и его нуждами в земле.
2. Доклады, посвященные изложению и критике основных идей аграрной реформы.
3. Доклад о финансовой стороне аграрной реформы.

Экономисты организационно-производственного направления выступали по первой группе вопросов и обсуждали земельные преобразования. Доклад Челинцева «О современном положении русского сельского хозяйства» был целиком построен на свежих данных сельскохозяйственной переписи 1916 года и статистике железнодорожных и водных перевозок. Огановский в своем докладе «Проблема перераспределения земельного фонда и ее роль в современной аграрной реформе» утверждал, что для проведения реформы нужно более 20 лет. Он считал неизбежным переход мелких трудовых хозяйств от индивидуальной к коллективной форме землепользования. Рыбников развил тему «экономических признаков контингента хозяйств, которым должно быть предоставлено право на обеспечение землей при реформе», а Макаров говорил о «Нормах обеспечения сельского населения землей». В прениях приняли участие А.А. Кауфман, В.И. Анисимов, К.А. Мацеевич, А.В. Чаянов. Основные положения докладов возражений не встретили, и дискуссия велась главным образом по вопросам трудовой нормы, контингента наделения и других вопросов аграрной реформы, которые плавно сводили ее к земельной. Подробный разбор докладов второй и третьей групп, посвященных идеологической и финансовой стороне реформы, дан Н.К. Фигуровской (Фигуровская, 1968: 39–45, 53–54).

1 июля, как и намечалось, началась вторая сессия ГЗК, на которой был изменен состав его Совета. В него вошли, как и прежде, председатель комитета и его заместители (товарищи), управляющий делами и три его помощника, министр земледелия и его товарищи, было увеличено число членов комитета по избранию (всего их стало 35), а также добавились заведующие отделами Министерства земледелия: отдела сельскохозяйственной переписи (П.И. Попов), сельскохозяйственной статистики (Л.К. Чермак) и сельскохозяйственной экономии и политики (Челинцев), который и так уже был членом Совета ГЗК. Общее число членов Совета составило 50 человек.

Однако работа второй сессии ГЗК была скомкана июльскими событиями в Петрограде. Из письма Рыбникова жене: *«Я уже Вам писал в первый день бунта. Тогда мы трое попали почти в гущу. На другой день пошли мы с Н[иколаем] П[авловичем Макаровым] в земельный комитет на Литейный, как Вы из газет знаете, как раз Литейный в тот день был несколько раз под обстрелом. В первый обстрел я не был в зем[ельном] комитете. А картина была там такая, что Вихляев, Каблуков и пр[очая] компания, работавшая в комиссии, ложилась на пол, так как выстрелы были вовсе рядом. Вечером попал и я под обстрел, когда заседал комитет, около него были расстреляны казаки почти на наших глазах. А мы... продолжали заседание...»*[9]

Представители с мест, приехавшие на вторую сессию ГЗК, свидетельствовали, что реформа уже началась: землю делят. Чаянов в своей статье «Аграрная реформа революции 1917 г.» писал: «... На местах аграрная реформа идет стихийно, не дожидаясь Учредительного собрания, без общего плана...» (Чаянов, 2003: 94). Он считал, что земельная реформа — только часть аграрной, притом не самая трудная, но наиболее важная, так как, во-первых, значение передачи владельческих земель количественно ничтожно, но «морально — огромно»; во-вторых, в результате предыдущего землеустройства «в нашей деревне невероятный земельный хаос».

«Медленно запрягая», аграрная реформа, сведенная к решению земельного вопроса, активно начала обсуждаться в комиссиях ГЗК только в июле-августе 1917 года.

Работа основных комиссий ГЗК

Главные баталии по основам земельного реформирования проходили в двух комиссиях: о перераспределении земельного фонда и статистико-экономической. В комиссии о перераспределении земельного фонда 24 июля состоялись доклады Кауфмана и Челинцева «О ликвидации крупного землевладения», на заседаниях комиссии 26 и 27 июля прошли прения по этим докладам, а 7 августа обсуждались положения, выработанные по ним. В отличие от Кауфмана, ратовавшего за оставление капиталистических имений прежним владельцам, Челинцев считал, что количество помещичьих имений, отличающихся высокой производительностью, чрезвычайно мало, большинство из них должно быть передано крестьянам, а незначительное число «культурных имений» — государству. В своем докладе он отстаивал преимущества интенсивного крестьянского хозяйства перед помещичьим.

Вопрос о перераспределении земельного фонда при аграрной реформе был рассмотрен комиссией на четырех заседаниях. В ос-

9. РГАЭ. Ф. 9470. Оп. 1. Д. 116. Л. 4–4об.

нову обсуждения легли доклады Н.П. Макарова, Б.В. Волкова, Б.Д. Бруцкуса. Доклад Макарова «О нормах земельного обеспечения при предстоящей земельной реформе» был сделан 28 июля 1917 года и обсуждался постатейно. Так, Бруцкус просил пояснить, что значит «обеспечить землей до полной нормы». Отвечая, Макаров дал определение потребительно-трудовой нормы обеспечения землей: хозяйство не настолько мало обеспечено землей, что члены его должны были бы отходить на промыслы, но и не настолько много, чтобы им приходилось нанимать работников[10]. Резюмируя обсуждение, Макаров обозначил два пути проведения земельной реформы: 1) закрепление распределения землепользования, как оно существует, и тогда будут избыточные районы и малоземельные крестьяне, что вредно и опасно с точки зрения политической и экономической; 2) планомерное проведение реформы по нормам путем вселения и расселения. Челинцев соглашался с нормированием земли с поправкой на эволюцию семьи и с удовлетворением отмечал, что большинство комиссии за дифференцированную норму. Территориальной единицей установления нормы была принята волость. Макаров считал, что основой нормирования могут быть материалы переписей 1916 и 1917 годов, а для справок необходимо пользоваться земскими и бюджетными исследованиями.

Заведующий отделом переписи Министерства земледелия Попов предложил разделить доклад Макарова на две части: 1) положения в области аграрной политики; 2) вопросы, рассматриваемые при любой аграрной реформе (размер земельного фонда, распределение его между землевладельцами, системы хозяйства и землепользования, определение условий, влияющих на соотношение между получением крестьянского надела в различных экономических районах, выяснение площади по трудовой и потребительской нормам). Статистик высказался за дифференцированную норму, зависящую от размера семьи и района, в котором ведется хозяйство[11].

Выступая в прениях, Кауфман внес предложение передать дальнейшую разработку положения о наделении землей в статистико-экономическую комиссию, однако Челинцев с ним не согласился, считая возможным передать статистико-экономической комиссии только часть положений, касающихся статистического метода установления норм[12].

Таким образом, вопрос земельного реформирования упирался в статистику, и его разработка постепенно смещалась из политической в «технологическую» плоскость. По мнению экономистов, нормы не только не «сбивали людей с толку и не затемняли истинную сущность дела», как полагал В.И. Ленин (Ленин, 1972: 147),

10. ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 18а. Л. 83об.
11. Там же. Л. 86об.
12. Там же. Л. 66.

но, наоборот, установленные по статистическим материалам должны были его прояснить.

В июле специальной комиссией, состоящей в основном из статистиков — членов Совета ГЗК, и возглавляемой приглашенным профессором Московского университета Н.А. Каблуковым, были разработаны «Основные положения статистической организации при подготовке земельной реформы».

В плане организации комиссий на первой сессии ГЗК среди других была названа и статистико-экономическая, ее состав был определен уже на заседании Совета ГЗК 27 мая 1917 г.[13] В нее вошли: председатель — Кауфман, члены комиссии: В.И. Анисимов, С.Л. Маслов, П.А. Вихляев, Н.И. Ракитников, Н.Н. Черненков, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, П.И. Попов, Н.П. Огановский, А.И. Хрящева. Активная работа комиссии началась только в июле, состоялось семь ее заседаний, последнее — 20 октября 1917 года.

Доклад Макарова «О приемах установления норм земельного обеспечения сельского населения», рассмотренный на соединенном заседании статистико-экономической комиссии ГЗК и ведомственной комиссии о нормативных началах распределения земельного фонда, в отличие от его доклада на комиссии о перераспределении земельного фонда, содержал конкретные указания: «В основу определения норм должны быть положены данные статистического характера и статистические приемы их разработки. В свою очередь, основным статистическим материалом для определения норм могут служить, с одной стороны, данные сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г., с другой — данные произведенных в сравнительно недавнее время земских переписей. Основным приемом для установления норм земельного обеспечения должен быть прием статистико-эмпирический, состоящий в определении размеров действительного землепользования определенных групп трудового населения»[14]. В докладе были также приведены конкретные методы обработки данных, полученных из материалов переписи.

Методологии разработки материалов переписи были посвящены еще два доклада: Кауфмана «О плане разработки результатов сельскохозяйственной переписи 1917 г.» и Попова «Программа разработки материалов переписи 1917 г. и других статистических материалов, необходимых для разрешения вопросов продовольственного дела и проведения аграрной реформы». Кауфман остановился на сугубо практических вопросах предстоящего перераспределения земельного фонда между трудовым населением. Экономист предложил вести разработку материалов сельскохозяйственной переписи по двум категориям владений: 1) крестьянские хозяйства (сюда входят отдельной категорией и хутора); 2) частновладельческие хозяй-

13. ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 19. Л. 47об.
14. РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 361. Л. 11.

ства. Он также представил схему подсчета землевладения для разных категорий хозяйств.

Доклад Попова демонстрирует его роль в подготовке реформы. Доклад носил общий характер и вызвал оживленные споры при обсуждении его основных положений. По мнению докладчика, программу переписи необходимо было выстроить на базе практических мероприятий, из которых главнейшими являлись: 1) ликвидация землевладения одной группы населения; 2) расширение землепользования других; 3) выработка мер для поднятия производительности сельского хозяйства. Приступать к аграрной реформе без «понимания» крестьянских хозяйств, по мнению Попова, было совершенно немыслимо, ведь реформы не ограничивались лишь конфискацией земли и ее перераспределением. Аграрная реформа не есть простое частное от деления земельного фонда на число душ, говорил докладчик. Надо четко осознавать, кто наделяется землей, на каких началах и с какой целью. Для этого необходима характеристика как тех хозяйств, у которых земля будет браться, так и тех, которым она будет предоставляться. Наряду с перераспределением земельного фонда и в связи с ним Попову виделась задача поднятия производительных сил реформируемых хозяйств, поэтому программа статистической разработки должна была включать в себя социально-экономические группировки хозяйств. При этом предполагалась следующая очередность: в первую очередь составить таблицы землевладения и контингента нуждающихся, а затем обсуждать вопрос о нормах наделения землей.

В обсуждении доклада принимали участие Челинцев, Макаров и Черненков, последний возражал против социально-экономической характеристики хозяйств. Черненков полагал, что если ставить задачу «понять» крестьянское хозяйство, то реформу провести невозможно, так как теория крестьянского хозяйства находится в зачаточном состоянии. По его мнению, задача статистической разработки — подсчет, и для освещения предмета обследования надо ограничиться минимумом статистических работ. Также он считал необходимым выявить роль промысловых хозяйств, а в конце своего выступления рекомендовал поставить работу на сугубо практическую почву.

По предложению председателя, комиссия большинством голосов проголосовала за необходимость социально-экономической группировки хозяйств. Против голосовали Кауфман и Черненков.

Пока экономисты и статистики спорили о программе переписи и ее структуре, новая беда — нехватка средств — стала грозить прекращением работ по переписи и хотя бы предварительного подсчета результатов в целях продовольственного снабжения армии и населения, не говоря уже об аграрной реформе. На основании постановления Временного правительства от 5 мая 1917 года на осуществление Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи было выделено 17 млн рублей. На меж-

ведомственных совещаниях в правительстве, проходивших 6 и 13 октября 1917 года, Министерство земледелия ходатайствовало о выделении еще 4,8 млн рублей на окончание производства переписи и содержание центральной переписной организации. Из них 300 тыс. рублей предназначались на разработку имеющихся материалов по земельному вопросу. Временное правительство признало возможным выделить для этой цели в 1917 году только 150 тыс. рублей, остальные деньги Министерство земледелия должно было включить в смету на 1918 год[15].

Стремление сэкономить на земельной реформе было налицо, но даже успевшим получить дополнительные средства местным земельным комитетам и статистическим бюро вскоре стало не до подведения итогов переписи: наступившая Русская смута надолго отодвинула окончание этих работ. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям с предисловием Попова и Хрящевой были опубликованы уже ЦСУ РСФСР только в 1921 году.

Работа отдела сельскохозяйственной экономии и политики Министерства земледелия

Практически одновременно с Лигой и ГЗК в Министерстве земледелия было создано несколько отделов, один из которых — сельскохозяйственной экономии и политики, возглавлял Челинцев. Он пригласил в отдел единомышленников, заключивших своеобразный артельный договор. Без сомнения, всем участникам было известно определение артели, данное в законе об артелях трудовых или трудовых товариществах: «Артелью трудовою признается товарищество, образованное для производства определенных работ или промысла, а также для отправления служб и должностей, личным трудом участников, за общий их счет и с круговою порукою». Доклады экономистов организационно-производственного направления, с которыми они выступали в Лиге и ГЗК, являлись конечным результатом их черновой работы в отделе.

Определив для себя принадлежность к артели и заключив артельный договор, каждый из ее членов старался выполнять правило «круговой поруки». Сила договора была так велика, что даже после возвращения из эмиграции, в трудную минуту думая о поддержке своих детей после своей смерти, Челинцев писал в дневнике-завещании: «...Одна надежда на товарищей М., Р., Ч.[16] <...>, что не дадут им подохнуть на улице»[17]. Так же серьезно относился

15. Журнал междуведомственного совещания об отпуске средств из казны: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 363. Л. 4, 7.
16. Макаров, Рыбников, Чаянов.
17. РГАЭ. Ф. 771. Оп. 3. Д. 233.

к артельному договору и Чаянов: при назначении его товарищем министра земледелия решающее слово было за артелью.

О том, как налаживалась работа отдела сельскохозяйственной экономии и политики и насколько тесно она была связана со всем, что происходило в Лиге и ГЗК, читаем в письмах Рыбникова: «*В Питере, конечно, плохо. Всё мне здесь чужое и другое, не мое. В отделе у нас теперь трое: Челинцев, Макаров и я. Работу налаживаем, но больше всякой трепки, заседаний, совещаний, чем настоящей работы... Из работы отдела на мою душу выпадает мелиорация, торговые договоры. Это помимо того, о чем мы с вами говорили, т. е. промысловой деятельности населения*»[18].

«Сегодня почти весь день мы были вместе (с Челинцевым. — Т.С.), много толковали, и кое-что выяснилось. Завтра конец нашим переговорам, придется решать дело вместе с Хрущевым и фактическим министром земледелия Вихляевым. Программу мою приняли, т.к. и сами мои коллеги уже приблизительно подумали то же — особенно в общей части. Дают мне возможность иметь сотрудников не только в Питере, но где я захочу, как окажется возможным и необходимым. Досадно, что заставляют меня немного более чем я хочу быть в Питере. Челинцев всячески упрашивает скорее перебираться в Питер на более долгий срок, и я должен был обещать, что я из трёх месяцев июня, июля и августа никак не более месяца буду в отсутствии, а в Питер приеду в 20-х числах мая. Действительно, Челинцеву сейчас трудно, т[ак] к[ак] Мацеевич отказывается участвовать в артели, Чаянов форменно болен»[19].

«...15–17 съезд, будут общие разговоры о сельскохоз[яйственной] политике в целом, т[о] е[сть] то, что мы артель в целом обязаны развернуть, за этим нас звали. Особенно совестно потому, что мы же артель. Уеду я, придется другим отдуваться: Челинцеву, Макарову. Чаще мне кажется, что вовсе я не нужен здесь как творец новой государственной жизни, чаще кажется, что я нужен в Саратове в том маленьком масштабе работы, какая была...»[20]

Несмотря на сомнения, каждый из артельщиков продолжал вносить посильный вклад в дело реформы, участвуя в работе комиссий и подкомиссий Министерства земледелия: комиссии о нормативных началах в распределении земельного фонда (Челинцев, Чаянов, Макаров, Рыбников), в подкомиссии по вопросу о системах хозяйства и организации труда (Челинцев, Макаров), лесной комиссии (Рыбников), а также в комиссиях ГЗК — в работе, рассчитанной на «многие месяцы».

18. РГАЭ. Ф. 9470. Оп. 1. Д. 115. Л. 38.
19. Там же. Л. 49.
20. Там же. Л. 46.

Лига продолжала свою работу и после Октябрьских событий. Чаянов как член ее распорядительного комитета приглашал Макарова выступить с докладом на III съезде Лиги аграрных реформ (открылся 21 ноября в Москве)[21]. В работе съезда приняли участие все члены артели, кроме Челинцева, с докладами выступили Макаров, Чаянов, Рыбников, Минин, Огановский.

В газете «Власть народа» Чаянов сообщал, что III съезд Лиги «подвел итоги работы ГЗК и, несмотря на исключительно тяжелое и подавленное настроение деятелей аграрной реформы, позволил собрать все силы для окончания работ» (Чаянов, 2003: 95). Это отразилось в тексте проекта закона о земле, представленного фракцией эсеров Учредительному собранию его председателем В.М. Черновым для обсуждения. Учредительное собрание было разогнано большевиками 6 января 1918 года. Ранее, 16 декабря 1917 года, была созвана экстренная сессия ГЗК, правда, оказавшаяся малочисленной, а 19 декабря декретом Совнаркома комитет был распущен. Такова судьба организаций, занимавшихся подготовкой аграрной реформы в 1917 году.

Саму реформу можно считать несостоявшейся. По новому «Закону о земле» право собственности на землю отменялось, все земли составляли народное достояние, а распоряжение землями, недрами, лесами и водами осуществлялось органами государственной и местной власти, предполагалось безвозмездное отчуждение частновладельческих земель. Права лиц и учреждений устанавливались только в форме пользования. Иными словами, это был закон, со многими положениями которого экономисты были не согласны. Однако на фоне всей законотворческой деятельности Временного правительства это было достижением, от той эпохи остались четыре основных законодательных акта, непосредственно относящихся к земельному вопросу:

Положение о Земельных комитетах 21 апреля. Положением были учреждены главный, губернские, уездные и, по мере надобности, волостные земельные комитеты. На них было возложено собирание и разработка материалов для подготовки аграрной реформы, а также решение споров и недоразумений по земельным делам с учреждением для этого при них посреднических и примирительных камер. Им было предоставлено право издания обязательных постановлений в пределах действующих законов. Однако ни это положение, ни какое-либо другое постановление законодательного характера не устанавливали никаких материальных норм, которыми должны были руководствоваться земельные комитеты в своей деятельности по разрешению текущих земельных дел и конфликтов.

21. РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

Постановление 28 июня о приостановлении действия некоторых узаконений о крестьянском землевладении и землепользовании, положения о землеустройстве, а также об упразднении землеустроительных комиссий. Согласно этому закону приостанавливались впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием: 1) выдача актов, удостоверяющих право личной или семейной собственности на надельную землю в тех случаях, где таковая признана старым законодательством; 2) возникновение вновь права личной или семейной собственности на надельные земли в порядке чересполосного укрепления или землеустройства. Вместе с тем прекращались и все землеустроительные действия по положению 29 мая 1911 года.

Постановление 13 июля об ограничении сделок на землю. Закон был составлен так, что сделки могли осуществляться с разрешения государственных органов, он также не предусматривал изъятие земель по сделкам после 1 марта 1917 года и оставлял решение на усмотрение Учредительного собрания.

Постановление 17 сентября о подчинении земельных и продовольственных комитетов ведению судов по административным делам. Это было последним и притом репрессивным законодательным актом временной власти по отношению к местным земельным органам, осуществлявшим в своей аграрной практике желание крестьянских организаций.

Правительство последнего, 4-го состава, 24 октября приступило к обсуждению законопроекта о регулировании земельных отношений (построенного на принципе передачи земель в ведение местных комитетов) и приняло его первые три главы, но в целом он не успел получить силу закона. Таким образом, можно согласиться с мнением Першина, что «ни один закон не был издан тогда и так, когда и как он требовался быстро развивающимся течением аграрной революции»[22].

ГЗК фактически не имел возможности руководить и регулировать земельные отношения. Уговоры не нарушать существующий порядок, не производить самовольный захват частновладельческих земель и ждать решения аграрного вопроса Учредительным собранием не возымели своего действия на крестьян. Местные комитеты, не имея другой законодательной базы, все шире претворяли в жизнь решения крестьянских съездов по распределению частновладельческих земель. 18 июля 1917 года была предпринята попытка остановить эту деятельность путем издания циркуляра министра внутренних дел И.Г. Церетели и приказа министра продовольствия А.В. Пешехонова о недопустимости исполнения местными земельными комитетами решений крестьянских съездов и проведения земельной реформы на местах их силами. Виновных

22. Першин П.Н. Итоги земельной политики 1917–1918 гг.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 130. Л. 92.

в таких действиях предписывалось подвергать судебному преследованию. Министерство юстиции выдало предписание усилить прокурорский надзор за деятельностью земельных комитетов. Результат — значительное число арестованных и преданных суду местных аграрных деятелей.

Однако практически одновременно с репрессивными актами на местах появилась инструкция министра земледелия В.М. Чернова, подписанная еще 16 июля, которая прямо не запрещала распределять владельческие земли, но рекомендовала не делать этого, за исключением случаев острой нужды, и деятельность местных комитетов не осуждала.

Аграрное движение быстро нарастало. Уже в мае было зарегистрировано 750 резких аграрных конфликтов более чем в 100 уездах 35 губерний, в основном Центрально-Черноземного района и Поволжья. Затем движение под руководством местных земельных комитетов по захвату частновладельческих земель шло по нарастающей и к сентябрю-октябрю достигло своего апогея, переходя в грабеж, пожары, насилие и убийства[23]. Кроме того, центральные и местные статистические учреждения далеко не всегда могли обеспечить проведение переписи и первичную обработку ее материалов, которые служили практическим основанием разработки аграрной реформы.

Итоги работы и судьба отдела-артели

Как писал Макаров, «работа мысли организационно-производственного направления стимулировалась технически-практическим интересом к сельскому хозяйству — прежде всего к хозяйству крестьянскому; она питалась стремлением помочь крестьянскому хозяйству в рационализации его производства...» (Макаров, 1923: 24). Чаянов считал, что «аграрный вопрос перешел теперь из мира отвлеченных идей и противопоставления принципов в область конкретной организационно-хозяйственной работы» (Чаянов, 2003: 38). Именно она должна была определить *государственную аграрную политику — главный итог работы отдела-артели*. Она понималась экономистами как результат исследования существующего состояния землевладения и землепользования, систем хозяйства и возможных путей их развития, как определение недостатков и способов их преодоления. «Установление системы сельского производства, подбор отраслей производства, установление размеров производства и руководство всей текущей жизнью хозяйства — все это и составит деятельность хозяина как организатора», — считал Макаров. Таким организатором должен был стать каждый крестьянин. «Деятельность государства в области сельскохозяйственной

23. Там же. Л. 98.

политики должна быть подчинена одной идее: принимать такие меры, которые обеспечили бы развитие и расцвет крестьянского хозяйства» (Макаров, 1917а: 8, 107).

Экономисты-аграрники страдали «русской болезнью» «долго запрягать» и были верны выбранной схеме, рассчитанной на долгие месяцы работы: сначала статистика — потом политика. Являясь фактически чиновниками Министерства земледелия Временного правительства, они не могли самостоятельно действовать и решать, чтобы реализовать представившийся им шанс на проведение собственной аграрной политики. Увлеченные «кабинетной работой», они не обращали должного внимания на нарастающую волну аграрного движения на местах, которая, по выражению Чаянова, «смыла реформаторов».

Дольше всех артельщиков на своем посту в отделе оставался Макаров. 18 ноября 1917 года в ГЗК ему было выдано удостоверение для поездки на III съезд Лиги аграрных реформ, откуда он должен был вернуться в Петроград[24]. Судя по воинственному тону его статьи, экономист не намерен был сдаваться: «Нельзя только признавать большевистских самозванцев. Нельзя сдавать им «дела и ключи», как нельзя уголовным преступникам, захватившим Ваш дом, сдавать Ваше домохозяйство» (Макаров, 1917: 1). Макарову Челинцев и Чаянов адресовали письма о дальнейшей судьбе отдела-артели и свои работы по определению аграрной политики.

Челинцев покинул Петроград в октябре. В конце месяца он обращается к Макарову: *«Я рассчитывал на соглашение о месте и времени съезда участников артели-отдела по вопросу о судьбах работы в ближайшее переходное время и потом»*. Далее он советует, как поступить с техническими сотрудниками отдела, дает им поручения и описывает свое видение ситуации: *«Более отдаленное будущее при известных неблагоприятных условиях может рисоваться в виде сосредоточения артельной работы в Московском кооперативном центре. Одна из предпосылок возведения теоретического здания с[ельско]х[озяйственной] политики теперь выяснилась: колониальное положение страны в международных связях и децентрализация хозяйственная и политическая внутри её»*. Челинцев хотел отправить письмо с оказией, так как почта работала плохо, и дотянул до получения письма от Макарова, в котором последний, видимо, обрисовал состояние дел в Петрограде, ибо приписка к основному письму датирована 28 ноября: *«Мой взгляд на работу отдела при сохранении теперешнего владычества я сказал, и предупредить, думаю, надо было сотрудников давно, что артель не будет у дела при нем. Теперь работа официально обречена на замирание с предоставлением его сотрудникам свободы действий. При благоприятном повороте дела артели нам надо просто продолжить действие контракта на 1–1,5*

24. РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

мес. и напрячь усилия для передачи в надежные руки. При неблагоприятном же, для окончания начатых работ надо постараться пробраться к Московскому центру кооперации»[25].

В письме Рыбникову, написанном в поезде Москва — Харьков 28 октября, Челинцев также определяет будущее отдела*: «Вместе с тем я решил категорически отказаться от моей обязанности товарища министра. Не знаю только, кому вручить отставку. Связь с отделом по артельному договору нельзя разорвать без наших переговоров лично. И нельзя бросить всё на полдороге. Но главным выходом мне кажется все же перенос дел в Московский общественный центр.*

Если письмо моё застанет Вас в П[итере], то пишите Ваши планы и решения в ответ на него... Место в Москве есть; согласие на него правления Института получено.

В Харькове пробуду до 15 ноября, после чего, надеюсь, можно будет продолжать петроградскую работу отдела.

Если шансы для этого не создадутся, то придется раскланяться к этому времени со всеми делами нашего отдела.

Мне кабинетная работа в создавшейся обстановке постоянного сведения политических счетов борющихся сторон делается непосильной.

Ник[олай] Павл[ович] М[акаров] за продолжение её, но говорит, что пусть решит большинство»[26].

Из писем Чаянова Макарову этих двух месяцев следует, что он несколько иначе оценивал политическую ситуацию, но на продолжение работы в кооперации смотрел так же: приглашал Макарова работать в Центральное товарищество льноводов (ЦТЛ) и создать «Московское товарищеское издательство по вопросам с[ельско]х[озяйственной] экономии и политики», *«...если Вы согласитесь сие товарищество совместно со мною, Мининым и дядей Сандро*[27] *составить. Привлечем Бруцкуса и Челинцева, я берусь достать финансы и обзаведение, и будем издавать «Ежегодник с[ельско]х[озяйственной] экономии и политики», «Энциклопедию с[ельско]х[озяйственной] э[кономии] и п[олитики]» и опусы сотоварищей. Разрешаете?»*[28]

В 1919 году был организован «Высший семинарий сельскохозяйственной экономии и политики», из которого в том же году выделился Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной

25. РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 150. Л. 6–8об.
26. РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 149. Л. 18–19об. Долгое время авторство письма приписывали А.В. Чаянову, оно было опубликовано в книге В.А. Чаянова «А.В. Чаянов — человек, ученый, гражданин», М., 2000. С. 194–196. Анализ содержания и почерковедческая экспертиза позволили определить истинного автора письма.
27. А.А. Рыбников
28. РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 149. Л. 6.

экономии и политики (НИИСХЭиП) во главе с Чаяновым. Идея его создания, приписываемая одному Александру Васильевичу, принадлежит также сотрудникам отдела сельскохозяйственной экономии и политики: в Совет Петровской академии еще 21 июня 1917 года поступила записка об организации при высших учебных заведениях особых семинаров по вопросам сельскохозяйственной экономии и аграрной политики для окончивших высшие учебные заведения, авторами которой были Макаров, Мацеевич, Рыбников, Чаянов, Челинцев.

Все они собрались вновь в НИИСХЭиП к середине 1920-х годов, были профессорами факультета сельскохозяйственной экономии и политики Тимирязевской сельскохозяйственной академии, открытого в феврале 1923 года, участвовали в работе различных комиссий Наркомзема, вели серьезные экономические разработки, в течение небольшого периода возлагали серьезные надежды на свое влияние на аграрную политику и экономику страны, но и этим надеждам, увы, не суждено было осуществиться.

Библиография

Известия Главного земельного комитета (1917). № 1.

Ленин В.И. (1972). Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе // Полное собрание сочинений. Т. 15. С. 127–160.

Макаров Н.П. (1917). Министры и товарищи министров по местам // Голос народа. 12 ноября. Пг.

Макаров Н.П. (1917а). Крестьянское хозяйство и его интересы. М.: Универсальная библиотека.

Макаров Н.П. (1923). Русская экономическая мысль в вопросах сельского хозяйства // Крестьянская Россия. Прага. Т. IV. С. 24–45.

Медушевский А.Н. (2005). Уравнительный передел земли как форма социальной утопии эпохи аграрной революции // Проекты аграрных реформ в России: XVIII–начало XXI в. М. С. 331–401.

Основные вопросы аграрной реформы на 2-м Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ (1917). М.

Фигуровская Н.К. (1968). Банкротство «аграрной реформы» Временного правительства // Исторические записки. Т. 81. М. С. 23–67.

Чаянов А.В. (2003). Не публиковавшиеся и малоизвестные работы. Сборник статей. М.

The organization-production school in 1917

Tatiana Savinova, PhD (Economics), Head of Organizational-Methodical and Personnel Work Chair, Russian State Archive of Economy; 119992, Moscow, B. Pirogovskaya St., 17. E-mail: savinova30@yandex. ru

The article is based on new and well-known scientific sources on the work of economists of the school in the League of Agrarian Reforms and Main Land Committee of the Provisional Government aimed at developing the agrarian reform. The author identifies

the milestones in the work of these organizations from their establishment to the liquidation. In the brief historiography based on the archive data, the author considers the participation of the school in the founding congress of the League and SLC, in the work of the Executive Committee and Council of the League, and in the second congress of the League and SLC held after the July events in Petrograd. The author studied the work of economists in the key commissions of the SLC on redistribution of the land fund. The statistical and economic reports of N.P. Makarov and A.N. Chelintsev were examined to identify their roles in the reforms. The author reveals the reasons to destroy the data of the all-Russian agricultural and land census, the causes of the incompleteness of the reform, and the fates of its organizations. Based on the new archive sources the author considers the structure, work and liquidation of the Department of Agricultural Economy and Policy of the Ministry of Agriculture headed by A.N. Chelintsev.

Keywords: history of the Russian revolution; agrarian reform; League of Agrarian Reforms; Main Land Committee; agricultural census; A.N. Chelintsev; A.V. Chayanov; N.P. Makarov; A.A. Rybnikov

References

Chayanov A. V. (2003) *Ne publikovavshiesya i maloizvestnyie rabotyi. Sbornik statey* [Unpublished and little known works. A collection of articles]. Moscow.

Figurovskaya N. K. (1968) Bankrotstvo «agrarnoy reformyi» Vremennogo pravitelstva [The bankruptcy of «agrarian reform» of the Provisional Government]. *Istoricheskie zapiski*, vol. 81, pp. 23–67.

Izvestiya Glavnogo zemelnogo komiteta (1917) [News of the Chief Land Committee], no 1.

Lenin V. I. (1972) *Proekt rechi po agrarnomu voprosu vo vtoroy Gosudarstvennoy Dume* [The Draft speech on the agrarian question in the second State Duma]. Polnoe sobranie sochineniy [Full. Coll. Op.], vol. 15, pp. 127–160. Moscow.

Makarov N. P. (1917) Ministryi i tovarischi ministrov po mestam. [Ministers and friends of ministers]. *Golos naroda* [The voice of the people], 12 November. Petrograd.

Makarov N. P. (1917a) *Krestyanskoe hozyaystvo i ego interesyi* [The peasant farm and its interests]. Moscow: Universalnaya biblioteka.

Makarov N. P. (1923) Russkaya ekonomicheskaya myisl v voprosah selskogo hozyaystva [Russian economic thought in agriculture]. *Krestyanskaya Rossiya* [Peasant Russia]. Vol. IV, pp. 24–45. Prague.

Medushevsky A. N. (2005) Uravnitelnyiy peredel zemli kak forma sotsialnoy utopii epohi agrarnoy revolyutsii [Egalitarian redistribution of land as a form of social utopia in the era of the agrarian revolution]. *Proektyi agrarnyih reform v Rossii: XVIII–nachalo XXI vv.* [The agrarian reform projects in Russia: XVIII–beginning of XXI centuries].P. 331–401. Moscow.

Osnovnyie voprosyi agrarnoy reformyi na 2-om Vserossiyskom s'ezde Ligi agrarnyih reform (1917) [The main issues of the agrarian reform at the 2nd all-Russian Congress of the League of agrarian reforms]. Moscow.